

Фигура Линь Цинъюй была скрыта в персиковой роще. Здесь было мало людей, и чужой разговор доносился до его ушей более отчетливо.

Неудивительно, что на этот раз Лу Ваньчэн согласился на поездку. Должно быть, он приехал сюда из-за Сюй Цзюньюаня. Лу Ваньчэн всегда был из тех, кто не стоит, если может сесть, и не сидит, если может лечь. С тех пор как они поженились, Лу Ваньчэн выходил только дважды: один раз, чтобы приехать сюда, а другой – чтобы поехать в резиденцию Линь. То, что может заставить его двигаться, должно быть чем-то таким, что даже «соленая рыба» считает важным.

Он вспомнил, что Лу Ваньчэн когда-то проявлял большой интерес к историям о сверхъестественных существах. Он также упомянул о желании встретиться с учителем нации, который, по легенде, «имел доступ к Небесам и знал пути призраков и богов». Линь Цинъюй не ожидал, что он действительно приедет и так легко встретится с Сюй Цзюньюанем, чтобы задать такой абсурдный вопрос.

«Воскрешение из мертвых, перенос души в другое тело». Если бы в мире существовало что-то такое, как могло бы существовать так много невежества и обиды? Лекарю не нужно было бы лечить болезни и спасать людей. Они просто научились бы воскрешать мертвых; нужно всего лишь подождать, пока пациенты умрут, а затем воскрешать их. Разве это не было бы проще и легче?

Сюй Цзюньюань казался немного удивленным. Был ли он удивлен вопросом Лу Ваньчэна или его прямотой, было неясно. Он немного поразмыслил и сказал: «С древних времен и до наших дней было много людей, которые стремились к бессмертию и воскрешению из мертвых. Среди них много императоров, которые оставили свой след в истории. Того, что Сын Неба не может сделать со всей силой мира, считайте, не существует. Как только человеческое тело исчезнет, оно исчезнет. Оно рассеивается и исчезает, и никто не может его восстановить. Что касается переноса души... — Сюй Цзюньюань улыбнулся и сказал: — Прошу простить мое невежество, но я не знаю».

Лу Ваньчэн поднял брови.

«Оказывается, есть вещи, о которых не знает даже учитель нации».

Сюй Цзюньюань сказал: «Я не знаю, потому что мне еще предстоит увидеть это своими глазами. Но то, что я этого не видел, не значит, что этого не существует».

Лу Ваньчэн издал «О». Хотя он потерял интерес к разговору, но все равно вежливо сказал: «Как и следовало ожидать от единственного учителя нации Даюй. Слушать слова господина – все равно что слушать слова».*

[Примечание: □□□□□□□□□□ «Слушать слова – все равно что слушать слова» – это игра на поговорке, которая гласит, что «слушать слова императора равно десяти годам обучения» т. е. вы извлекли большую пользу из этого разговора. Кто-то сыграл на этом, сказав, что «слушать слова – все равно что слушать слова», т. е. не за что благодарить, я ничему не научился.]

Это означало, что все, что сказал Сюй Цзюньюань, было ничего незначащей чепухой.

Сюй Цзюньюань все это время сохранял на лице прекрасную и пленительную улыбку.

[Примечание: 如沐春風 / *gú mù chūn fēng*. Как будто омытый весенним ветром, обр. подобный глотку свежего воздуха, доставляющий истинное наслаждение.]

«Если был случай переноса души, я бы очень хотел его увидеть. Однако, боюсь, что вовлеченный в это человек не стал бы говорить так охотно. Потому что...»

Лу Ваньчэн сказал: «...Потому что он знает, что ему никто не поверит. Даже если бы ему поверили, это доставило бы много неприятных хлопот».

Сюй Цзюньюань улыбнулся и сказал: «Молодой мастер Хоу мудр».

«Молодой господин?»

Хуань Тун появился из ниоткуда, толкая инвалидное кресло Лу Ваньчэна. Должно быть, молодой мастер Хоу устал от ходьбы, и его послали к карете за инвалидным креслом.

На его голос Лу Ваньчэн и Сюй Цзюньюань оба оглянулись. Линь Цинъюй спокойно вышел.

«Молодой мастер Хоу».

Лу Ваньчэн положил руку на лоб. Он посмотрел на него с улыбкой, но обратился к Сюй Цзюньюаню, сказав: «Учитель нации, это моя жена».

Линь Цинъюй был поражен. Это был первый раз, когда он услышал, как Лу Ваньчэн обращается к нему подобным образом, и он почувствовал себя... очень неловко. Он не знал, как Лу Ваньчэн мог сказать это так естественно.

Хотя он жил в резиденции Хоу, и они с Лу Ваньчэном номинально были мужем и женой, ни один из них не воспринимал этот «предопределенный» брак всерьез. Теперь, когда его «свекрови», которая считала его таким неприятным для глаз, было запрещено покидать свои комнаты, он мог время от времени забывать об этом моменте - о том, что он был «женой» Лу Ваньчэна.

При виде Линь Цинъюя улыбка в глазах Сюй Цзюньюаня стала еще выразительнее.

«Госпожа Лу».

Руки Линь Цинюй в руках слегка сжались, но он спокойно сказал: «Приветствую учителя нации».

«Госпожа Лу наделен красотой и изяществом. Молодому мастеру Хоу очень повезло».

Лу Ваньчэн тоже уставился на Линь Цинюй и улыбнулся.

«Да». - Он открыто восхищался Линь Цинюй, как будто любовался самым великолепным цветком персика в буйном расцвете.

Взгляд Лу Ваньчэна заставил Линь Цинюй немного насторожиться, но он мог сказать, что тот смотрел на него не так, как те развратники. Лу Ваньчэн действительно просто наслаждался видом.

Но Линь Цинюй все равно бросил на него острый как нож взгляд - хорош собой?

Лу Ваньчэн отвел взгляд, но уголки его губ все еще приподнимались в улыбке, как бы говоря: это не пустая болтовня, а правда.

«Прекрасный пейзаж и счастливая супружеская пара. Все, чего нам не хватает, - это хорошего вина. — Сюй Цзюньюань позвал маленького монаха и сказал: — Пойди и принеси вино, которое я закопал под персиковым деревом в прошлом году».

Линь Цинюй сказал: «Молодой мастер Хоу болен. Ему не рекомендуется пить вино».

«Я был небрежен. — Сюй Цзюньюань поднял чашку за них двоих. — Тогда я заменю вино чаем и произнесу тост за вас двоих».

Лу Ваньчэн собирался взять свою чашку чая, но, увидев, что Линь Цинюй не пошевелился, быстро убрал руку. Лицо его оставалось спокойным, но в глубине души он чувствовал себя злодеем*.

[Примечание: 狗 / gǒu. Собака, пёс; собачий, псиный, сучий; (также бран.); по-собачьи. Метафора для плохого человека, злодея. Этот перевод показался мне наиболее правильным из контекста.]

Он знал, что Линь Цинюй был недоволен встречей с учителем нации. Позже, если Линь Цинюй будет несчастлив, он тоже не будет счастлив. О, какой он жалкий.

Улыбка Сюй Цзюньюаня оставалась невозмутимой.

«Похоже, госпожа Лу не хочет оказать мне такую любезность».

Линь Циньюй сказал: «11 марта в год Гуйвэя, в чэнь-ши (час чэнь)».

Сюй Цзюньюань кивнул и сказал: «Если я правильно помню, это должна быть дата рождения госпожи Лу».

Линь Циньюй холодно сказал: «У учителя нации хорошая память. Как и у молодого мастера Хоу, у меня тоже есть кое-что, что меня озадачивает, и по этому поводу я хотел бы попросить совета у учителя нации».

Сюй Цзюньюань улыбнулся и сказал: «Я был бы рад дать совет. Я только прошу госпожу Лу высказать то, что у него на уме».

Линь Циньюй спокойно начал говорить: «Почему я?»

Сюй Цзюньюань, казалось, угадал вопрос Линь Цинюя и указал вверх.

«Такова Воля Небес».

«Воля Небес? Ха. — Линь Циньюй не мог скрыть насмешку в своих словах: — В юности я путешествовал по всему миру со своим наставником. Часто встречались суеверные люди, которые во время болезни не обращались к лекарю и не принимали лекарства. Они предпочли бы найти какую-нибудь „шаманку“, которая придет к ним домой и будет заклинать духов, мороча их. Если болезнь излечена, то все было хорошо; если болезнь не была излечена, то это была „Воля Небес“. Судьба пациента уже решена, и у смертных нет возможности повернуть вращение неба вспять. Это и есть та „Воля Небес“, о которой говорит учитель нации».

«Является ли это Волей Небес или нет, вы двое должны знать лучше, чем я, — спокойно сказал Сюй Цзюньюань. — После Чун Си состояние молодого мастера Хоу не улучшилось?»

Линь Циньюй возразил: «Это просто совпадение».

Сюй Цзюньюань беспомощно улыбнулся.

«Если госпожа Лу так думает, то мне нечего сказать».

Лу Ваньчэн немного подумал и сказал: «В таком случае, может ли учитель нации рассказать нам о процессе ваших вычислений? Или тайны Небес нельзя раскрывать?»

Сюй Цзюньюань выглядел задумчивым.

«Естественно, тайны Небес не должны быть раскрыты, но иногда не помешает раскрыть их немного. В тот день молодой мастер Хоу был при смерти. Мадам и мастер Хоу попросили императрицу обратиться ко мне за помощью. Я нарисовал схему гадания и понял, что молодому мастеру Хоу еще не суждено умереть. Если бы он смог заполучить драгоценного человека, возможно, у него был бы небольшой шанс выжить, вот и все».

Лу Ваньчэн улыбнулся.

«Но теперь у меня есть кто-то драгоценный, и все равно я недолго останусь в этом мире. Видно, что от Чун Си не было никакой пользы. В следующий раз, возможно, будет лучше, если учитель нации не будет наобум назначать пары*, чтобы не навредить чьему-то будущему».

[Примечание: 乱点鸳鸯 / luàn diǎn yuānyāngpǎi. произвольно сватать; наобум принять за пару; ошибочно считать за любовников; от балды поженить; наобум назначить парой; "поженить", не разобравшись.]

Линь Циньюй услышал эти слова и искоса взглянул на человека рядом с ним. Лу Ваньчэн сказал все, что хотел сказать.

Сюй Цзюньюань слегка вздохнул.

«Молодой мастер Хоу может быть так равнодушен к жизни и смерти. Мне стыдно за свою неполноценность. Жаль, что ваша судьба... — Сюй Цзюньюань сделал паузу в своих словах, и повернулся к Лу Ваньчэну с другим выражением в глазах. — Возможно, молодой мастер Хоу носит какое-то другое имя, кроме „Лу Ваньчэн“? Я могу использовать ваше другое имя, чтобы составить для вас другую схему гадания».

Лу Ваньчэн, не моргнув глазом, посмотрел прямо на Сюй Цзюньюаня. Его глаза были скрыты под длинными ресницами. Через мгновение он ответил: «Другого имени нет».

Линь Циньюй немного слышал об имени Лу Ваньчэна. Его выбрала его биологическая мать, которая преждевременно умерла во время родов. После смерти матери Лу Ваньчэна растила кормилица, а позже он был воспитан лично Лян Ши. Будь то кормилицы или его мачеха, Лу Ваньчэну никогда не давали прозвища. Если так, то почему он колебался, прежде чем ответить на этот вопрос?

Линь Циньюй вспомнил примечания в «Путевых заметках Линьяня». Он также вспомнил некоторые моменты из «бессвязного бреда» Лу Ваньчэна... Когда они только поженились, тот даже не знал своего возраста. Он никогда не принимал слова Лу Ваньчэна близко к сердцу, воспринимая это только как его притворное безумие, и он просто разыгрывает из себя дурака. Думая об этом сейчас, Линь Циньюй понял, что было много сомнительных вещей.

Воскрешение из мертвых, перенос души в другое тело... Действительно ли в мире существуют такие вещи? Как такое могло быть? Должны быть какие-то другие секреты. Лу Ваньчэн что-то

от него скрывал.

Пока все трое разговаривали, небо постепенно темнело. Маленький монах напомнил им, чтобы они возвращались пораньше, иначе ночью по дороге будет тяжело двигаться, и сложно избежать тряски.

Сюй Цзюньюань встал и сказал: «Я желаю вам обоим счастливого пути. Я не буду вас провожать».

Линь Циньюй равнодушно кивнул. Сюй Цзюньюань говорил тактично. Он был образован и утончен. Он не полагался на свой особый статус, чтобы подавлять других. Он едва мог избежать того, чтобы его посчитали раздражающим. В будущем, когда он придет, чтобы отомстить ему, то мог бы подумать об использовании менее токсичного препарата.

Перед уходом Лу Ваньчэн небрежно отломил ветку цветущего персика. Карета была оставлена у главных ворот храма Чаншэн, довольно далеко от персиковой рощи. У хрупкого молодого мастера Хоу больше не было сил ходить. Он сел в инвалидное кресло, и Хуань Тун толкал его вперед. Лу Ваньчэн рассеянно играл с веткой цветущего персика, он был сонным. Линь Циньюй шел впереди. Они оба были погружены в свои мысли, и некоторое время не обменивались ни словом.

К этому времени уже почти стемнело, и из храма выходило много паломников.

Хуань Тун обнаружил, что многие паломники, идущие впереди них, оглядываются назад. Он печально сказал: «Молодой мастер Хоу, так много людей оглядываются на нашего молодого мастера».

Лу Ваньчэн издал рассеянное «О».

Хуань Тун смотрел прямо перед собой, спрашивая: «Вам совсем все равно?»

Он следил за молодым мастером с детства и знал, что молодому мастеру не нравилось, когда незнакомые люди слишком откровенно пялились на него. Ему также не нравилось, когда прохожие то и дело украдкой поглядывали на молодого мастера. Это заставляло его плохо себя чувствовать.

Лу Ваньчэн удивленно сказал: «Разве есть о чем беспокоиться? Всем нравится смотреть на красивых людей».

Хуань Тун колко сказал: «Эта супружеская пара, которая связала себя узами братства, действительно другая. Большинство людей хотели бы спрятать свою жену от чужих глаз. Но молодой мастер Хоу так великодушен, позволяя всем смотреть».

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Пусть смотрят, если хотят. Разве красота моей жены – не то, чем я должен гордиться? В любом случае, как бы ни смотрели другие, он им не будет принадлежать, и они могут взглянуть на него только один раз. — Лу Ваньчэн сказал, сочувственно качая головой: — Тц-тц-тц. Как ужасно».

Хуань Тун тихо пробормотал: «Вы говорите так, как будто господин принадлежит вам».

«Эм... — Улыбка на лице Лу Ваньчэна постепенно исчезла, но вскоре он почувствовал облегчение. — По крайней мере, я могу видеть его каждый день. Хотя это и не продлится долго».

Хуань Тун был немного опечален. Он хотел как можно скорее последовать за молодым мастером обратно в резиденцию Линь, но, живя вместе, за эти дни они хорошо поладили, и молодой мастер Хоу ему очень понравился. Если бы молодой мастер Хоу умер, он мог бы пролить несколько слез.

Хуань Тун сумбурно утешил: «Еще даже не май. До зимы нам еще далеко. У молодого мастера Хоу еще уйма времени».

«Зима, да... — Лу Ваньчэн посмотрел на спину Линь Цинъюй, и его глаза сузились, когда он сказал: — Тогда я хочу увидеть молодого господина твоей семьи в накинутом на плечи ярко-красном плаще, подбитом мехом, стоящего с зонтиком под падающим снегом – его щеки покраснеют, а его длинные волосы будут похожи на чернила. Определенно, это будет улада для глаз».

Линь Цинъюй резко остановился и медленно повернулся, глядя в сторону Лу Ваньчэна.

Хуань Тун тихо воскликнул: «Ой, вас услышал молодой мастер!»

Эти двое встретились взглядами. Линь Цинъюй спокойно посмотрел на него. У Лу Ваньчэна внезапно возникла иллюзия, что Линь Цинъюй видит не это лицо, а... его.

Голос Линь Цинъюй слегка холоден: «Ты был правдив, когда сказал, что у тебя нет другого имени?»

Сердце Лу Ваньчэна сжалось. Он пошутил в своей обычной несерьезной манере: «Твой вопрос забавен. Если оно у меня есть, то почему я не знаю?»

Линь Цинъюй больше ничего не спрашивал, он равнодушно сказал: «Надеюсь, ты доживешь до первого снегопада».

Автору есть что сказать:

В этом возрасте гун - «соленая рыба» - имеет привычку крутить ручку, недосыпает, занимает первое место на экзамене и может приклеить защитную пленку. Это уже довольно очевидная подсказка~

Опираясь на ваш многолетний опыт, предположите, какими должны быть настоящие имя и фамилия этой «соленой рыбы»...

Переводчику есть что сказать:

ессо: О, это явно вопрос для китайской аудитории... У него что, «говорящее» имя? «Солёная рыба» на китайском это 咸鱼 - xiányú - сянь юй (ленивый, вялый, инертный). Он - Сянь Юй? Ай, это даже на шутку не тянет, назвать героя соленой рыбой...

<http://bllate.org/book/15122/1336634>